

Ценный труд

Великая Отечественная война — событие в мировой истории человечества, которое навсегда останется в центре внимания и интересов новых поколений.

В течение семи послевоенных десятилетий было создано много трудов о деятельности военных формирований, командующих войсками, о героях войны.

О скромных рядовых солдатах, пронесших всю тяжесть войны на своих плечах, мужественно сражавшихся в боях и сыгравших основную роль в достижении победы, говорится лишь в общей форме, часто в публицистическом жанре. Наши представления о войне дополняются, обобщаются описанием пути, пройденного отдельным солдатом, его ежедневных боевых действий. Подобные работы необходимы, в первую очередь, для живущих в послевоенные годы внуков, правнуков и других наследников солдат — участников войны.

В этом смысле достойная похвала инициатива семьи жителя села Чалтырь Мясниковского района Ростовской области, активного участника войны Аршака Паповяна, его жены Агавни и дочерей, которые представили подробную летопись боевых действий отца семейства. В составе противотанкового артиллерийского полка Аршак Паповян участвовал в боях в Крыму, на Кавказе, принимал участие в освобождении Евпатории, других населенных пунктов и Кенигсберга. Достоин внимания тот

факт, что с такими же подробностями и конкретными фактами описывается пройденный путь боевых соратников Аршака, принадлежащих к различным национальностям.

Материалом для труда послужил богатый личный архив Паповяна. Работа насыщена многочисленными фотографиями, которые в значительной степени способствуют образному восприятию письменного материала.

Вторая книга посвящена более чем сорокалетней послевоенной мирной трудовой деятельности Паповяна. После победного завершения войны во всей стране, и в Ростовской области тоже, развернулась самоотверженная, активная работа по восстановлению разваленной экономики, реконструкции и созданию новых очагов культуры и образования. Инициативный и деятельный, Паповян сразу же активно включился в эту работу. В частности, он внес весомый вклад в дело обеспечения в течение многих лет бесперебойной работы типографии Мясниковского района.

В 1959 году мне посчастливилось лично познакомиться и сблизиться с Паповяном, человеком большого сердца, широкой и щедрой души. Он вместе с

другими представителями интеллигенции оказал мне значительную помощь при написании истории местного армянского населения — армянской общины Нового Нахичевана.

Проблема сохранения национально-языка, культурных традиций, быта и нравов армянского населения Дона всегда оставалась в центре внимания Аршака Паповяна и местной интеллигенции. Представителями старшего поколения этой интеллигенции были Хачерес Поркшеян, исследователь армянского фольклора и большой патриот Мкртич Луледжян, занимавшийся исследованием певческого искусства. Из преданных своему народу деятелей нового поколения больших успехов достиг преподаватель Ростовской консерватории Крикор Хурдаян, который сформировал народный ансамбль песни и пляски из представителей армянской молодежи. Ансамбль с успехом выступал на различных конкурсах и стал известным среди хороших народных коллективов всей страны. С чувством большой преданности своему народу самоотверженно трудились главный редактор газеты «Заря» Шаген Шагинян, педагог Гевонд Крис-тосдурян, исследователь армянской ис-

Академик, действительный член НАН РА, историк, общественный деятель Владимир Бахшиевич Бархударян

тории Минас Багдыков, соратники Аршака Паповяна и вдохновляемые им многие другие представители интеллигенции, которые внесли свой весомый вклад в дело сохранения национального облика армянского населения Дона.

Представители нового поколения Нового Нахичевана, обласки со славным прошлым, должны считать своим моральным долгом унаследовать от своих предков их патристические идеи и, следуя их примеру, бороться за сохранение национального языка и духа своего народа.

В. БАРХУДАРЯН

Аркадий Мацанов

НАХИЧЕВАНЕЦ

Начало в № 5 (188)

XIX век принято называть «серебряным», полагая, что он был благоприятен для развития искусства и литературы. Двадцатый же является «золотым» для биологии и медицины. В первый же год нового XX века венским бактериологом были открыты группы крови. Чуть позже появились работы Павлова об условных и безусловных рефлексах. Исследования Зигмунда Фрейда и Карла Юнга расширили наши представления о возможностях человека. Были изучены рентгеновские лучи, естественная и искусственная радиоактивность... Наконец, в двадцатом веке открыли антибиотики! Все это полностью изменило жизнь человечества. Раньше человек мог умереть от малейшей царапины или какой-то инфекции. Средняя продолжительность жизни сорока лет увеличилась до семидесяти пяти!

Но в 1905 году все только началось, а новейшие аппараты и методики еще робко применялись в крупнейших медицинских центрах России, тогда как в далеких губерниях о них только читали в медицинских журналах.

Огромные, можно сказать, революционные изменения в медицине поощряли врачей, жаждущих принести пользу больным, ездить в крупные столичные клиники и изучать новые методы лечения, чтобы потом использовать их в своей практике.

Именно поэтому в сентябре 1905 года Лев Маркович Левин, хирург еврейской больницы в Ростове, предельно внимательно списавшись с Николаем Александровичем Вельяминовым, выдающимся хирургом Императорской Военно-медицинской академии, и испросив его разрешения, выехал с женой в Петербург, чтобы познакомиться с новейшими методами хирургического лечения заболелания брюшной полости. Его интересовали работы Николая Александровича о влиянии ультрафиолетовых лучей на бактерии. Он намеревался выяснить, возможно ли приобрести для больницы рентгеновский аппарат, необходимый для диагностики переломов костей. Свою пятилетнюю дочурку Олечку они оставили на попечение родителей Льва Марковича, живших в том же доме.

Марк Моисеевич, старик с пышной седой бородой, еще работал зубным врачом, а его жена, Мария Абрамовна, была слишком слаба, чтобы работать, и едва справлялась с внучкой. Девчушка была любознательной и веселой. Осень в том году была теплой, и они иногда гуляли в городском парке, благо жили совсем недалеко от него.

Но в октябре в Ростове стало твориться что-то непонятное. Толпы подвыпивших молодчиков громили магазины, небольшие мастерские,

принадлежащие евреям, избивая стариков и женщин. Через некоторое время погромщики стали врывать и в квартиры, избивая всех, кто попадался им под руку.

Полиция безмолвствовала. Было件нятно, что хулиганы действуют с ее молчаливого согласия.

Такая же волна погромов прокатилась по всей России. Однажды, а это было в середине октября, к Левиным зашел Дмитрий Федорович Вдовин, старый фельдшер, живший с ними по соседству. Обеспеченный тем, что творится в городе, он пришел предупредить коллегу.

— Уважаемый Марк Моисеевич, — обратился Дмитрий Федорович к соседу. — Настоятельно рекомендую вам с супругой и внучкой уехать куда-нибудь, пока все это не закончится. Как говорится: береженого Бог бережет. Или пойдемте ко мне. И на работу не выходите. И вы, сударыня, с внучкой не выходите гулять. В городе ужас что творится.

Марк Моисеевич был растроган таким участием коллеги. Пригласив в дом, усадил в кресло и только потом ответил, вытирая непрошеную слезу.

— Спасибо, дорогой Дмитрий Федорович! Очень тронут вашим участием... У нас нет большого богатства... Незачем нас грабить... А соседки к нам хорошо относятся, давно нас знают... Заступятся, если что... Страшное время, что говорить, но я все же не думаю, что к нам придут...

— Придут! Они по квартирам ходят. Не щадят ни стариков, ни женщин, ни детей. Позавчера доктора Фельдмана Абрама Яковлевича так измордовали. Не знаю, выживет ли. Дочь изнасиловали. Вам оставаться здесь нельзя! Хорошо, что Лев Маркович с супругой уехали. И вам уезжать нужно! — настаивал Дмитрий Федорович. — Эти... даже не знаю, как их называть... они же не люди...

— Да куда же я поеду. У меня больные на завтра назначены... Не могу я...

Все замолчали, словно устали друг друга уговаривать. Потом, видя, что Марка Моисеевича не переубедить, Дмитрий Федорович умоляюще проговорил:

— Хотя бы супругу с внучкой отпустите... Пусть уезжают... В Нахичевань. Там, говорят, спокойно. Этим безобразий нет...

— В какую Нахичевань?! У нас там и знакомых никого нет!

— Не беда. Есть у меня там знакомый. Юрист. Прекрасный человек. Поезжайте к нему! Он что-нибудь придумает. Вам необходимо переждать эту смуту.

— Хорошо, — наконец, согласился Марк Моисеевич. — Пусть едут, а я останусь. Стар уже от всякой сволочи бегать, да и неловко чужих людей обременять своей персоной...

— Так! Собирайтесь! — заторопил Марию Абрамовну Дмитрий Федорович. Он резко встал, всем своим видом показывая, что нельзя терять ни минуты. — Я сам их отвезу, познакомлю с Григорием Христофоровичем. Он — гласный городской Думы, уважаемый, порядочный человек.

Марк Моисеевич попрощался с женой, поцеловал на дорогу внучку. Провожать их не вышел — не было сил.

Дмитрий Федорович остановил проезжающий свободный фазтон, помог сесть старушке и Олечке, сел на облучок к кучеру, и они направились в Нахичевань. Ехали быстро, словно за ними кто-то гнался. Остановились у дома Чалхушьяна, когда небо стало серым от низких облаков. Дул холодный ветер, и казалось, вот-вот хлынет дождь.

— Вы посидите, а я пойду переговоры с Григорием Христофоровичем.

Через несколько минут к фазтону подошел Дмитрий Федорович в сопровождении невысокого круглолицего человека с большим лбом мыслителя, большими усами, скрывающими верхнюю губу, и бородкой клинышком.

— Добрый день, сударыни, — сказал незнакомец. — Милости прошу в мой дом. Здесь вы найдете приют, сможете переждать тревожное время. Я согласен с Дмитрием Федоровичем, и вашему супругу тоже следовало бы на время сюда приехать. Здесь вас никто не тронет...

Он помог выйти из фазтона Марию Абрамовну, потом Олечке.

— Ты, голубчик, подожди, — сказал Дмитрий Федорович кучеру. — Мы сейчас поведем обратно.

Взял небольшой чемодан, и направился следом.

В доме Григория Христофоровича было шумно и весело. Разнообразная детвора бегала по комнатам, во что-то играя и совершенно не обращая внимания на вошедших людей. Сюда часто приходили посторонние, и все привыкли к этому. И только жена Григория Христофоровича, Софья Андреевна, растерянно стояла у входа, с жалостью глядя на старушку и маленькую девочку. Поэтому наклонилась к Олечке и, взяв ее за руку, ласково спросила:

— Как звать тебя, красавица?

— Оля! Мне уже пять лет! — ответила девочка.

— О! Так ты у нас уже совсем большака! Пойдем, я тебя познакомлю с такой же девочкой. Ее Сусанной зовут. У нее есть куклы. Вы вместе будете играть!

И они пошли в комнату, откуда доносился веселый смех.

Григорий Христофорович позвал мальчика, лет семи и строго сказал: — Леон, вы с Рубеном несколько дней будете спать в другой комнате. В вашей поживут наши гости. Заберисвой и Рубена вещи. Где его только носит?!

Мальчик, ни слова ни говоря, собрал вещи и молча ушел. В этом доме не принято было обсуждать распоряжения отца.

Григорий Христофорович проводил Марию Абрамовну в комнату, говоря:

— Здесь есть все, что вам нужно. Сейчас вам перестелют постель. Располагайтесь. Через полчаса будем обедать...

Дмитрий Федорович попрощался с Марией Абрамовной и направился к ожидающему его фазтону.

— Уважаемый Дмитрий Федорович, — попросила старушка, — вы уж там посмотрите за Марком Моисеевичем. Он, наверное, не очень понимает всей опасности. Пожалуйста, помогите ему чем сможете!

За большим обеденным столом собралась почти вся семья Григория Христофоровича. Рядом с хозяином с одной стороны сидела его жена, с другой посадили Марию Абрамовну. Дальше — дети. Леон, сидевший рядом с Олечкой, как мог ухаживал за нею. За столом было лишь одно свободное место. Оно предназначалось старшему сыну хозяев дома — Рубену. Но его все не было, что вызывало недовольство Григория Христофоровича.

Учитывая, что за столом сидели гости, не знающие армянского языка, все говорили только по-русски.

Софья Андреевна заботливо ухаживала за Марией Абрамовной, объясняя каждое свое блюдо.

Обычно плохо евшая, Олечка уплетала за обе щеки удивительные и непривычные кушанья. Особенно ей понравился тонкий, душистый лаваш. Леон научил гостью, и она, завернув в него брынзу и зелень, с аппетитом съела «удуочку».

— Куда мог подеваться Рубен? — с тревогой спросил у детей Григорий Христофорович. — Никто не знает?

Но никто не знал, и только Степан опустил голову, стараясь избежать требовательного взгляда отца.

— Ты что-то знаешь?

Степан взглянул на отца, и проговорил:

— Он взял маузер и с ребятами пошел. Говорили, что к нам в Нахичевань должен прискакать отряд казаков. Решили не пускать их в город.

— Откуда эти сведения? — строго спросил Григорий Христофорович.

— Дядя Карапет Малхасян был сегодня в Ростове... Он говорил...

Григорий Христофорович отставил тарелку, извинился, надел пальто, и спешно куда-то ушел.

Вернулся он с Рубеном поздно, часов в десять. Дети уже спали, и только Софья Андреевна на кухне тихо беседовала с Марией Абрамовной, поджидая мужчин.

— Почему так долго? — набросилась она на мужа. — Что там случилось? И ты, — повернулась она к сыну,

— думаешь — поступил в университет, так уже взрослый? Не пообедал, где-то бродишь...

— Не шуми, мать! — успокоил ее Григорий Христофорович. — И Рубен — молодец. Поступил как и должен был поступать мужчина.

— Так что там произошло? — Ничего. Все поладило. Человек двенадцать казаков хотели и в Нахичевани устроить погром. Так несколько наших ребят собралось. Взяли ружья и... встретили их. Как надо встретили...

— Боже мой! Была стрельба? Кого-нибудь ранили? Убили? Что ты молчишь?!

— Да ничего не было. Они увидели, что нас не меньше чем их, да к тому же и мы вооружены. Поговорили... Я им сказал, что Нахичевань была дана Екатериной для того, чтобы мы — армяне — способствовали благоденствию края, а не разграблению его. Гости мы всем рады. А вот гадить у себя дома никому не позволим. Словом, поговорили... Думаю, больше сюда не сунутся...

Все это Мария Абрамовна выслушала с замиранием сердца.

— А вы чего так побледнели, голубушка? Все обошлось... Давайте лучше пить чай! — сказал Григорий Христофорович, обняв за плечи гостью и усаживая к столу.

На следующее утро Мария Абрамовна проснулась рано. Тихо, чтобы никого не будить, оделась и села у письменного стола. Не могла спать: волновалась за мужа. Как он там? Как узнает? Что делать? Потом подумала, что попросит Рубена после университета зайти к ним домой, узнать, как там.

Потом встала Софья Андреевна. Она долго умывалась, вышла на кухню.

«Какая же дружная семья!» — подумала Мария Абрамовна.

После завтрака она подошла к юноше и попросила:

— Если можно, после занятий зайдите к нам, узнайте, все ли в порядке. Это недалеко от больницы. Адрес я написала... Пожалуйста! Я очень волнуюсь.

Юноша взял листок, и успокоил старушку:

— Занятия у меня заканчиваются в четыре. Потом обязательно зайду, передам от вас привет... Вы не волнуйтесь. Все будет хорошо...

Вернувшись вечером домой, Рубен сказал Марии Абрамовне, что в их квартире никого не застал. Он стучал, но никто ему так и не открыл дверь.

Мария Абрамовна еще больше заволновалась.

— Что-то случилось... Я чувствую. Муж обычно куда-то не выходит... Разве к Дмитрию Федоровичу пошел? Или в больницу ночевать остался?

Продолжение следует